

УДК 94(100)''1940''
ББК 63.3(0)62
Д44

Д44 **Дивайн, Дэвид.**
Девять дней Дюнкерка : [перевод с английского] / Дэвид Дивайн, Ричард Сквайрс. — Москва : Алгоритм, 2017. — 432 с. — (Главная кинопремьера года).

ISBN 978-5-906947-65-9

К премьере фильма Кристофера Нолана «Дюнкерк». Узнайте о том, как было на самом деле!

Книга английского военного историка Дэвида Дивайна исследует ход операций 1940 года на Западе, приведших к поражению союзных армий во Фландрии, а также последовавшие за этим события в районе Дюнкерка (операция «Динамо»).

Автор использовал официальные документы обеих сторон, дневники и письма участников событий. Дивайн оспаривает некоторые из распространенных в историографии Запада версий о причинах, позволивших английским экспедиционным силам избежать полного разгрома в районе Дюнкерка, и выдвигает свою точку зрения по этому вопросу.

Вторая часть книги, «Дороги войны», представляет собой дневник английского офицера и военного корреспондента Ричарда Сквайрса, в котором описываются события Дюнкеркской операции глазами очевидца.

УДК 94(100)''1940''
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-906947-65-9

© Дэвид Дивайн (David Divine),
Ричард Сквайрс (Richard Squires),
2017
© «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА ГОДА

**Дэвид Дивайн
Ричард Сквайрс**

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ДЮНКЕРКА

Редактор *Е.О. Мигунова*
Художественный редактор *Б.Б. Протополов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 16.05.2017.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,68.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906947-65-9

9 785906 947659 >

ОГЛАВЛЕНИЕ

Д. Дивайн

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ДЮНКЕРКА

Предисловие	9
Глава первая. Исторические параллели	24
Глава вторая. Направление главного удара	31
Глава третья. Назначение Рамсея	42
Глава четвертая. Три ошибки	46
Глава пятая. Неделя перед операцией «Динамо»	68
Глава шестая. Булонь и Кале	79
Глава седьмая. Воскресенье, 26 мая	92
Глава восьмая. Понедельник, 27 мая	104
Глава девятая. Вторник, 28 мая	114
Глава десятая. Среда, 29 мая	124
Глава одиннадцатая. Четверг, 30 мая	140
Глава двенадцатая. Пятница, 31 мая	151
Глава тринадцатая. Суббота, 1 июня	158
Глава четырнадцатая. Воскресенье, 2 июня	164
Глава пятнадцатая. Понедельник, 3 июня	170
Глава шестнадцатая. Триумф и неудача германской армии	176
Глава семнадцатая. Усилия Бельгии	187
Глава восемнадцатая. Крушение французской армии	195
Глава девятнадцатая. Успех англичан	215

Р. Сквайрс

ДОРОГИ ВОЙНЫ

К читателю	251
Глава первая. Разбитые иллюзии	255
Глава вторая. Закулисные действия оккупантов	278
Глава третья. Нацисты на свободе	308
Глава четвертая. Колонизаторы	330
Глава пятая. Под грохот военных барабанов	360
Глава шестая. Слова и дела	405
Глава седьмая. Что сулит нам будущее?	423

Дэвид Дивайн

ДЕВЯТЬ ДНЕЙ ДЮНКЕРКА

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Полная история Дюнкерка никогда не будет поведа-на», — писал Д. Дивайн в первом издании своей книги, вышедшей в свет в начале 1945 года. Ныне эти слова уже потеряли свой смысл.

Историческая наука, как и всякая другая наука, постоянно развивается, обогащается и совершенствуется на пути познания исторической действительности. И то, что вчера казалось еще неясным, недоступным и скрытым от глаз исследователя, а тем более от широкой общественности, сегодня обретает вполне определенные очертания, неизмеримо расширяя наши понятия и представления о прошлом. Истина неумолимо пробивает себе дорогу, отбрасывая в сторону легенды, заблуждения или сознательные искажения исторической правды.

Так произошло и с освещением дюнкеркских событий, представляющих собой интереснейшее явление Второй мировой войны. На Западе о них написаны десятки трудов. И это вполне понятно: для исследователей было весьма заманчиво объяснить, как стало возможным «дюнкеркское чудо» — эвакуация с полей Фландрии в Англию почти 340-тысячной группировки войск буквально из-под носа у немцев.

Это событие породило немало легенд. Одни утверждали со слов немецких генералов, что чудесным спасением английская экспедиционная армия обязана прежде всего крупнейшему оперативному просчету Гитлера, остановившего своим приказом от 24 мая 1940 года танковые дивизии на рубеже канала Аа, когда до Дюнкерка оставалось каких-нибудь 20 км. Другие связывали «дюнкеркское чудо» с заведомым стремлением Гитлера построить для англичан «золотой мост» через пролив и облегчить им бегство в Англию, чтобы задобрить гордый Альбион и

сделать его уступчивым в вопросах мира. Эта легенда исходит также от немецких генералов. Третьи — к ним относятся английские историки — приписывали удачную эвакуацию главным образом стойкости, организованности и высокому военному искусству англичан.

Долгое время после окончания войны многие вопросы, связанные с эвакуацией англичан из Дюнкерка, оставались неясными. Лишь после публикации немецких документов и других источников для исследователей появилась возможность снять покров с тайны, окружавшей дюнкеркские события.

Из буржуазных трудов по истории Дюнкерка предлагаемая вниманию читателей книга видного английского историка и журналиста Артура Дивайна является, пожалуй, наиболее полным и многосторонним исследованием. Если в первом ее издании автор вынужден был ввиду отсутствия немецких источников ограничиться в основном освещением действий английской стороны, то в последнем, переработанном издании он значительно раздвинул рамки исследования. В этой книге не только подробно и ярко описывается эвакуация британской экспедиционной армии, но и делается попытка вскрыть в широком стратегическом плане причины, которые привели к дюнкеркским событиям, выявить их последствия и влияние на дальнейший ход войны на Западе. Здесь мы уже имеем дело с оценкой характера и состоятельности военных доктрин воюющих сторон, важнейших решений и действий союзников, а также руководства вермахта.

Хотя Дивайн претендует на воссоздание объективной картины операции, его книга пронизана тенденциозным стремлением оправдать все действия английского командования, а ответственность за военную катастрофу взвалить целиком на плечи французского союзника. Еще в первом издании своей книги Дивайн так писал о значении Дюнкерка: «В военном отношении это была катастрофа — одна из крупнейших катастроф в истории войн, ибо в результате ее пала империя, а великие военные традиции Франции были втоптаны глубоко в грязь». Выходит,

что Англия тут ни при чем. Во втором издании эта тенденциозная линия выдержана в еще большей степени.

Бесспорно, высшие политические и военные круги Франции несут прямую ответственность за поражение 1940 года. И Дивайн не жалеет красок, чтобы показать крушение французской военной доктрины, бездарность французского командования в лице Гамелена, Вейгана, Петэна и других могильщиков Франции. Однако он нигде не говорит, что общие причины разгрома союзников надо искать в том политическом курсе, инициатором которого была и Англия. Лишь попутно автор бросает общую фразу, что «за спиной этих лиц (т. е. Гамелена, Петэна, Вейгана. — В. Д.) известную роль играли политические деятели страны, что на них оказывали свое давление и крупные промышленники Лилля» (с. 190—191). Но он не раскрывает этих туманных намеков, хотя здесь мы имеем классический пример пагубного влияния порочной с точки зрения национальных интересов политики правящих кругов на формирование военной доктрины государства и обратного отрицательного воздействия на политику неверных догматических представлений о характере войны и использовании в ней вооруженных сил.

Как известно, правящие круги Франции, ослепленные ненавистью к коммунизму, в межвоенный период стали на путь обеспечения безопасности страны против германской угрозы на новой основе, отказавшись от традиционного союза с Россией, который еще Ламартин называл «требованием природы и географической закономерностью». Вместо этого они обратились к сомнительной и не оправдавшей себя идее гарантийного пакта с США и Англией и создания Малой Антанты из стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Советско-французский договор 1935 года, явившийся эпизодическим отступлением от этого нового курса, был полностью перечеркнут политикой умиротворения и Мюнхенским соглашением.

Принятию губительного для Франции курса в большой мере способствовали помимо антисоветских устремлений неверные военно-теоретические установки французского

командования. Военная мысль Франции сделала из опыта Первой мировой войны и последующего развития военного дела ошибочный вывод, что оборонительные средства намного эффективнее наступательных. А раз так, то стоит отгородиться от Германии мощным барьером долговременных укреплений, и она не решится напасть на Францию, а скорей направит экспансию на Восток. Известный французский военный теоретик Шовино в своей книге «Вторжение — возможно ли оно еще?», изданной в 1939 году с предисловием Петэна, писал: «Если мы разместим два миллиона человек с соответствующим количеством пулеметов и дотов вдоль 400-километровой полосы, которую немецкие армии должны будут преодолеть, чтобы вступить во Францию, мы будем в состоянии сдерживать их на протяжении трех лет... Если армии не имеют флангов, сопротивление во много раз превосходящему противнику перестает быть трудной задачей, какой оно было в прошлом. Оно становится простейшим делом». Эти порочные взгляды укрепляли отрицательное отношение влиятельных политических кругов Франции к идее франко-советского союза, который стал рассматриваться и с военной точки зрения как ненужный.

Сделав оборону краеугольным камнем своей стратегии, военное руководство Франции распространило оборонительные принципы и на строительство вооруженных сил, на методы и формы ведения войны, на военно-техническую политику, стремясь пропитать ими сознание и психологию офицеров и солдат. Армию оно превратило в простой придаток линии Мажино — по меткому выражению Дивайна, одной из «величайших в истории иллюзий».

Возведение этой оборонительной линии поглотило за десятилетие, с 1930 по 1940 год, большую часть военных ассигнований Франции. И это делалось в ущерб развитию бронетанковых войск и авиации, роль которых роковым образом недооценивалась!

Французское общественное мнение на протяжении многих лет усыплялось заверениями в полной неприступности восточных границ страны, в превосходстве воору-

женных сил и командования Франции. Это не могло не вызвать широкого распространения пассивно-оборонительных настроений, благодушия и ложного чувства безопасности. «В организационном, тактическом и психологическом отношении, — писал бывший руководитель немецкой разведки на Западе генерал У. Лис, — линия Мажино оказала на французскую армию и на всю нацию пагубное влияние. Она наложила оковы на оперативное мышление французов и сделала его убогим. Когда был осуществлен стратегический обход этой линии, командование оказалось в беспомощном положении».

Ярко рисуя поразительную отсталость французской военной мысли, погрязшей в застывших догмах, Дивайн весьма скупно говорит о состоянии английской военной теории. А она в не меньшей мере, чем французская, способствовала принятию союзниками гибельной стратегии, воплощенной в плане «Д».

Военные теоретики Англии также стояли на ложных позициях в оценке характера будущей войны. Они не верили в маневренные глубокие операции, питали приверженность к позиционной обороне и не учитывали огромные возможности бронетанковых и моторизованных войск. О том, как глубоко заблуждалась английская военная мысль, свидетельствует следующее высказывание ее видного представителя — Лиддел Гарта, относящееся к 1939 году: «Трудность “нокаута” очень возросла вследствие нынешнего превосходства обороны над наступлением. Недавний опыт наземных сражений свидетельствует о том, что атакующий должен иметь по меньшей мере тройное превосходство в вооружении, чтобы добиться даже местного успеха. Точно так же и в воздухе оборона завоевывает преимущества, которыми пользовался ранее нападающий. Последние достижения в развитии огневых средств противовоздушной обороны обещают создать преграду воздушной угрозе, аналогичную той, которая возникла поколение назад на суше благодаря сочетанию колючей проволоки и зарытого в землю пулемета. В общем, мечты солдата о “молниеносной” войне имеют все

меньше перспектив на их осуществление. Военные тучи, нависшие ныне над Европой, порождают много грома, но очень мало молний».

Отсюда он делал вывод: «Если германский генеральный штаб не потерял еще чувства реальности, то возможность серьезного немецкого наступления на западе становится более чем сомнительной». Такую точку зрения разделяли (даже незадолго до начала немецкого вторжения во Францию!) Н. Чемберлен и другие руководители политики и стратегии Англии.

На фоне этих заблуждений и самообольщений особенно ярко выделяется позиция французских коммунистов в оценке фашистской опасности. 19 мая 1939 года, в то время, когда Европа уже вползала в полосу предвоенного кризиса, М. Торез в своем выступлении на пленуме ЦК КП Франции говорил: «Каждый задает себе вопрос: когда и над кем совершится очередное насилие? Над объектом гитлеровских вождедений — Данцигом или над Польшей? Над одним из Балканских государств? Над одной из малых стран Западной Европы? Над Францией? Становится все более очевидным, что коалиция Германии и Италии самую непосредственную и серьезную угрозу представляет в конечном счете для нашей страны. Гитлер, по-видимому, считает, что приближается час развязки, которую он предвидел в “Майн кампф”: “Предварительно изолированная Франция будет уничтожена”».

Это были удивительно верные по силе предвидения слова, но они не нашли отклика у французских правящих кругов. Казалось, здравый смысл совсем покинул их.

Трагичность положения усугублялась еще тем, что французские военные руководители, проявляя твердость и упорство не там, где нужно, нетерпимо относились к инакомыслию в важнейших вопросах военной теории, стратегии, строительства вооруженных сил, а также в оценке противника.

Вот разительный пример. Когда глава французской разведки генерал Гоше представил Гамелену докладную записку, в которой давалась в общем правильная оцен-

ка характера немецкого военного искусства, и предложил распространить среди офицеров французской армии специальную памятку с обобщением опыта войны в Польше, союзный главнокомандующий резко отверг это предложение. «Франция, — заявил он, — не Польша. Германия не применит против нас тех способов, которые она применила в Польше. Распространение подобной памятки послужит только возникновению беспокойства в народе».

Уверовав в свою непогрешимость, французская военная верхушка не прислушивалась к новым, свежим мыслям и выводам, не давала простора для их развития. Старые догмы сковали военную теорию и обрекли ее на застой. «...Командные кадры, — писал впоследствии де Голль, — оказались во власти рутины. В армии господствовали концепции, которых придерживались еще до окончания Первой мировой войны. Этому в значительной мере способствовало и то обстоятельство, что военные руководители дряхлели на своих постах, оставаясь приверженцами устаревших взглядов...»

Дюнкерк был одним из ярких проявлений политического и военного банкротства союзников. В событиях во Фландрии рельефно отразились и немощь французского командования, и эгоистичные действия английского военного руководства, саботировавшего союзные решения, и крушение коалиционной стратегии, и просчеты немецкого командования, и, наконец, стойкость и мужество простых солдат и моряков Англии и Франции.

Описывая действия британской экспедиционной армии, Дивайн изображает все в исключительно благоприятном свете. Справедливо обрушиваясь на французское командование, он не находит ни одного критического слова в адрес руководства английских войск. Но были ли действия британской экспедиционной армии и ее командующего генерала Горта так безупречны, как пишет автор?

Чтобы правильно оценить роль и место английских сил в дюнкеркских событиях, необходимо учитывать военную политику и стратегические концепции британского руководства того времени. Дивайн пишет, что английская

армия, как и французская, была «совершенно не приспособлена для современной войны». Автор здесь превратно истолковывает причины слабости английской армии. О них можно судить по следующим словам Лиддел Гарта, сказанным в 1939 году: «Мы вели все наши войны, вплоть до последней, используя наше морское могущество... Мы вели все наши крупные войны, включая последнюю, на основе этой стратегии и имели в них и после них постоянно такие успехи, каких не знала никакая другая нация. Нашим главным оружием было экономическое давление, осуществляемое военно-морскими силами. Нам эффективно помогало использование двух дополнительных видов оружия: финансового, с помощью которого мы субсидировали союзников и снабжали их военными материалами, и военного, дававшего нам возможность отправлять на континент сравнительно небольшую экспедиционную армию для нанесения ударов по уязвимым местам противника, для цементирования и мобилизации на борьбу союзных сил. Доводя наши усилия в войне на море до максимума, мы стремились снизить наши усилия в борьбе на суше до минимума».

Традиционная особенность английской стратегии заключалась именно в том, чтобы вести борьбу против континентальных противников с помощью третьей силы, в данном случае Франции. Не случайно во французской армии в то время ходила крылатая фраза: «Англия будет сражаться до последнего французского солдата». И в этих словах была большая доля истины, так как английское командование заботилось о сохранении сил, чтобы, опираясь на них, диктовать свою волю после окончания войны. Тот же Лиддел Гарт по этому поводу писал: «Если сосредоточить усилия исключительно на достижении победы, не думая о последующих результатах, можно оказаться слишком ослабленным и неспособным извлечь выгоды для себя в послевоенном мире». Английские стратеги всегда действовали в соответствии с этими принципами. Этими же соображениями руководствовался и Горт, заботившийся больше о сохранении своих сил, нежели об

организации активного отпора немцам. Он очень широко использовал, и, несомненно, в ущерб союзной стратегии, директиву, данную ему, как командующему, английским правительством.

В этой директиве, между прочим, говорилось: «Вы находитесь в подчинении французского главнокомандующего северо-восточным фронтом (генерала Жоржа.— В. Д.). Добиваясь общей цели — поражения противника, Вы должны лояльно выполнять все его указания. В то же время, если какой-либо отданный им приказ поставит, по Вашему мнению, под угрозу британскую экспедиционную армию, Вы, в соответствии с договоренностью между английским и французским правительствами, имеете право обратиться за указаниями к британскому правительству перед тем, как выполнить этот приказ». Эти указания дали Гурту возможность саботировать многие решения французского командования.

Прежде всего необходимо сказать, что англичане стали односторонне готовиться к эвакуации значительно раньше, чем в том появилась необходимость. Это не могло не отразиться отрицательно на общесоюзных усилиях. Дивайн пишет, что Би-Би-Си еще утром 14 мая, на четвертый день немецкого наступления, передала распоряжение английского адмиралтейства о регистрации и реквизиции частных самоходных судов (с. 44). Правда, он отрицает связь этого распоряжения с планами эвакуации, но выглядит это малоубедительно.

16 мая Черчилль, анализируя обстановку, сложившуюся в результате прорыва немецких войск на Маасе, делал в своей телеграмме в Лондон после совещания в Париже следующий вывод: «...Назревают две серьезные угрозы. Первая заключается в том, что английские экспедиционные силы могут повиснуть в воздухе и должны будут в трудных условиях осуществить отрыв от противника, чтобы отойти на прежнюю линию. Вторая состоит в том, что прорыв немцев может сломить сопротивление французов до того, как они соберут силы для противодействия». Эти соображения не могли не повлиять на английское командование.